

Двадцать два человѣка.

Высоко надъ нашими головами послышался характерный фыркающій звукъ. Въ туманѣ не видно было аэроплана, вылетѣвшаго на развѣдку, да и летчикъ едва ли видѣлъ насъ, находившихся въ глубокой ложинѣ, заросшей кустарникомъ. Онъ, видимо, направлялся къ Д., гдѣ были расположены наши главные силы, и совсѣмъ не имѣлъ въ виду нашего небольшого отряда, волею случайности очутившагося далеко впереди головной части колонны, преслѣдовавшей отступавшихъ австрійцевъ.

— Дозвольте стрѣльнуть, вашбродь, обратился къ начальству бойкій солдатикъ Соломко.

Ему очень хотѣлось подбить летчика; ему никогда не сидѣлось на мѣстѣ, онъ всегда искалъ какого-нибудь „настоящаго“ дѣла, и раза два, дѣйствительно, отличился въ развѣдочныхъ операціяхъ.

На этотъ разъ начальство, представленное въ нашемъ отрядѣ молоденькимъ подпоручикомъ Б., не разрѣшило Соломко „стрѣльнуть“, чѣмъ, видимо, его огорчило.

— А я бы его снялъ. Ей-Богу, снялъ бы.

Есть такіе люди, которыхъ все тѣло словно на шарнирахъ и винтикахъ. Все бы имъ двигаться, дѣлать что-нибудь, и самое невыносимое, самое мучительное наказаніе для нихъ сидѣть „въ секретѣ“, какъ случи-

лось нашему отряду въ данный моментъ. Такимъ спокойнымъ человѣкомъ былъ хохоль Соломко, представлявшій собою полную противоположность своему товарищу и земляку, медлительному и сосредоточенному Левченкѣ.

— Сиди, братъ, на мѣстѣ, да не рыпайся, — утѣшилъ его Левченко. — Прикажутъ — стрѣлять будемъ, а не приказали — сиди.

Аэропланъ снижался. Уже виденъ былъ его желтый остовъ и крылья. Онъ рѣялъ надъ самой головою, не обнаруживая нашего присутствія.

— Ложись, — тихо приказалъ поручикъ.

Люди прилегли къ землѣ. Левченко съ сожалѣніемъ притушилъ „цыгарку“ о сапогъ.

— Собачьи дѣти! Покурить не дадутъ.

Изъ того, что непріятель производилъ развѣдку при помощи аэроплана, можно было понять, что мѣсто его расположенія недалеко. Въ теченіе трехъ дней, идя, главнымъ образомъ, по ночамъ, мы искали его и не находили, а тутъ неожиданная случайность навела насъ на его слѣдъ. Намъ надо было „нащупать“ его расположение и количество, и этимъ заканчивалась наша роль.

Аэропланъ пофыркалъ, пофыркалъ и, взвившись птицей, улетѣлъ по направленію къ Д.

— Теперь вылѣзай. Иди тихо, — скомандовалъ поручикъ.

Насъ было двадцать два человѣка, оторванныхъ отъ колонны. Прежде, чѣмъ очутиться здѣсь, мы прошли въ бродъ рѣчку, блудили по лѣсамъ и ушли отъ своихъ верстъ на тридцать слишкомъ. Чувство одиночества и оторванности давало себя знать, особенно ночью, когда кругомъ рождались тысячи непонятныхъ звуковъ. Кто-то плакалъ въ лѣсу, кто-то шелъ напроломъ черезъ чащу, ломая сухія вѣтви, гдѣ-то въ отдаленіи слышалось пе-

рекликаніе голосовъ. Можетъ быть, это казалось, а, можетъ быть, оставшіе отряды непріятеля или дезертиры, въ самомъ дѣлѣ, бродили по лѣсу.

Теперь тоже наступалъ вечеръ, и снова рождались подозрительные порохи, отзвуки, всплески, трескъ. Кто-то охнулъ; эхо подхватило крикъ, и онъ прокатился по лѣсу, повторяясь десятки разъ и зыблясь въ воздухѣ, какъ волна на тихомъ озерѣ отъ брошеннаго камешка.

— Онъ ходитъ, вашбродь.

— Кто ходитъ?

— Непріятель.

— Посмотримъ.

Выползли на поляну, откуда несея подозрительный звукъ. Тамъ ничего не было. Опять ушли въ лѣсъ. Темныя ели обступили насъ со всѣхъ сторонъ; пахло прѣлымъ листомъ и болотной ржавчиной. На рыжихъ мшавкахъ выступали зеленоватые пузыри и лопались съ рѣзкимъ хлюпаніемъ. Согревшее за день болото выдѣляло газы, и они зажигались фосфорическими огоньками, перебѣгавшими въ темнотѣ съ мѣста на мѣсто.

— Пфъ!—пыхтѣла подъ ногами болотная жижа.

— Тахъ-тахъ,—несея трескъ въ таинственной темнотѣ лѣса.

— Жутко,—говорили люди.

— Треба закурить,—нашелъ средство Левченко.

Но курить нельзя было. Возможно, что непріятель былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ.

И вдругъ, совершенно неожиданно, лѣсъ оборвался. Согласно картѣ, онъ долженъ былъ тянуться до самаго селенія П., еще нѣсколько верстъ, а въ дѣйствительности предъ нами оказалась голая каменистая равнина съ грядою темныхъ холмовъ на далекомъ горизонтѣ. Но скоро наше недоумѣніе прошло. Мы уклонились влѣво отъ намѣченной дороги, но шли по вѣрнымъ слѣдамъ. Слѣды эти были: пустая жестянка изъ-подъ

консервовъ, окурки папиросъ, брошенные уходившими австрійцами, и потерянная пѣхотинцемъ 37 гонведнаго полка книжечка, въ которой у австрійцевъ отмѣчается полкъ, рота и родъ оружія, къ которому принадлежить данная часть.

Книжку нашелъ Левченко.

— Ось, ваше благородіе, якая-сь писулька. Гораздый писака писалъ, бо понаписано чего-то пропасть.

Пока онъ докладывалъ о находкѣ, сзади насъ слышалась какая-то возня. Кто-то пыхтѣлъ и ругался:

— Ахъ, шельма! Я же тебя. Уфъ!

— Что тамъ?

Изъ темноты вынырнулъ огромный, какъ медвѣдь, рядовой Лукьяновъ. Онъ отдувался и вытиралъ рукавомъ потъ.

— Что случилось?

— А я его храснулъ, ваше благородіе.

— Кого?

— Да вотъ, какъ дѣло было. Вижу я, лежитъ человекъ и молчитъ. Я его торкъ въ пузо, а онъ меня цапъ за ногу. Ну, тутъ шутка недолга.

— Да, кто же онъ? Ты бредишь.

— Никакъ нѣтъ. Извольте поглядѣть.

Оказался австрійцемъ огромнаго роста въ мундирѣ рядового гонведнаго полка. Можетъ быть, это былъ тотъ самый Гансъ Примакъ, чью книжку мы нашли.

— Ну, впередъ, ребята, близко.

Мы выползли изъ ложбины. Вдали засвѣтились огни. Это было селеніе или деревушка. Тамъ заливалась тонкимъ лаемъ собаченка, которая могла выдать насъ.

— Держись на чеку!

Черезъ полчаса мы были у большого сарая, который стоялъ на краю деревни. За деревней маячили огоньки, слышенъ былъ чужой говоръ, звонъ оружія и ржаніе лошадей.

Мы залегли за стогами сѣна подлѣ сарая. Отсюда видна была одинокая фигура часового, стоявшаго въ нѣсколькихъ шагахъ спиною къ намъ.

— Надо бы его кокнуть,—предложилъ неугомонный Соломко.

— Шумъ подниметь.

— А я его безъ шума.

— Ну, попробуй.

Соломко снялъ съ себя амуницію, даже сапоги скинулъ и, взявъ въ руки винтовку, поползъ по землѣ. Онъ ползъ, какъ змѣя, безъ всякаго шума и, очутившись подлѣ часового, сразу безшумно всталъ во весь ростъ, охватилъ австрійца сзади за шею и, поваливъ его на землю, что-то сдѣлалъ съ нимъ, не видное намъ, отъ чего тотъ, даже не вздрогнувъ, затихъ. Потомъ такъ же безшумно вернулся къ намъ.

Спустя часъ мы выяснили все, что намъ нужно было, и возвращались къ своимъ.

Несмотря на то, что мы шли по той же дорогѣ черезъ тотъ же лѣсъ, жути больше не было, не было и странныхъ звуковъ и шороховъ, и темныя сосны, и болотные огоньки, перескакивавшіе съ мѣста на мѣсто, казались обыкновенными и ничуть не страшными.

— А теперь треба закурить, — снова предложилъ Левченко.

— Кури.

— Двадцать два человѣка это... Это все-таки двадцать два человѣка,—съ чувствомъ удовольствия выполненной на славу задачи сказалъ нашъ подпоручикъ.

— Радъ стараться,—тихо отвѣтили эти двадцать два человѣка.

Автоматъ.

Несмотря на всѣ техническія усовершенствованія, примѣняемыя въ современной войнѣ, есть въ ней много такого, что сильно напоминаетъ бои древнихъ и даже первобытныхъ людей. Правда, здѣсь въ сраженіяхъ, наряду съ людьми, участвуютъ машины, которыя съ математической точностью посылаютъ снаряды въ невидимую линію прицѣла; правда и то, что приемы сдѣлались настолько сложными и хитрыми, что личность, проявленія ея воли и инициативы потеряли прежнее значеніе. Но рядомъ съ машиной, снабженной часовымъ механизмомъ, рядомъ съ блиндированнымъ автомобилемъ и скорострѣльной пушкой, дѣйствуетъ человѣкъ, придумывающій здѣсь, на мѣстѣ, иногда по наитію, иногда путемъ постепеннаго приспособленія, способы нападенія и защиты.

Вотъ атака. Непріятель осыпаетъ насъ сплошнымъ пулеметнымъ огнемъ. Пулеметы, стрѣляющіе непрерывно и дающіе нѣсколько сотъ выстрѣловъ въ минуту, выбрасываютъ черную, почти сплошную тучу свинца. Глазъ ясно видитъ, какъ эта туча быстро приближается къ окопамъ, ухо улавливаетъ пронзительный свистъ и жужжаніе десятковъ тысячъ свинцовыхъ пуль; слышно, какъ онѣ, падая по дорогѣ, барабанятъ по камнямъ, точно крупный и частый градъ. Встрѣтился этой тучѣ бугорокъ или холмикъ по пути,—она

въ одно мгновеніе срѣзываетъ его, сравниваетъ съ землею.

И кажется—разъ нѣтъ мѣста, куда бы не падалъ пулеметный свинецъ,—выскочившіе изъ окоповъ и бросившіеся въ атаку солдаты должны быть перебиты до единого человѣка. Но это далеко не такъ. Противъ пулемета идетъ человѣкъ, разумное существо. Сознаніе и умъ, обостряющіеся до крайности въ моментъ опасности, подсказываютъ солдату, что дѣлать, чтобы перехитрить пулеметъ.

Нѣсколько сотъ человѣкъ, разсыпавшись по полю по-одиночкѣ и почти мгновенно окопавшись, залегли за выступы почвы и кочки и ждутъ сигнала. Пулеметныя пульки, сохраняя ударную силу тогда, когда онѣ бьютъ впередъ, теряютъ ее, когда падаютъ отвѣсно. Онѣ бьютъ по спинѣ, рвутъ въ клочья платье, жгутъ, сѣкутъ, но не причиняютъ ранъ.

Свистокъ. Это команда встать и сдѣлать перебѣжку. Вотъ теперь опасно. Надо бѣжать навстрѣчу свинцовому дождю, въ сплошной тучѣ пуль.

Древній воинъ защищался отъ вражескихъ стрѣлъ щитомъ. Нашъ солдатъ тоже придумалъ нѣчто въ родѣ щита, который въ нѣкоторой степени защищаетъ отъ пулеметнаго огня. У каждаго солдата есть желѣзная лопата для рытья прикрытій. Этой лопатой онъ во время перебѣжки защищаетъ лицо отъ пуль. Правда, очень часто пули пробиваютъ ее, но тогда онѣ теряютъ ударную силу и не страшнѣе обыкновеннаго камешка, пролетѣвшаго разстояніе въ нѣсколько сотъ шаговъ.

Постепенно приближаясь при помощи сапныхъ работъ другъ къ другу, мы оказались въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ непріятельскихъ окоповъ. Такая близость позволяла слышать команду, видѣть лица австрійцевъ,

.

.....
.....
Но вотъ раздается сигналъ. Начинается бой. Обѣ стороны осыпають другъ друга ручными гранатами. Небольшіе шарики, съ антоновское яблочко величиной, летятъ и рвутся, разбрасывая во всѣ стороны „начинку“. И если бы не взрывы, не эта „начинка“, бой при помощи ручныхъ гранатъ напоминалъ бы метаніе дротиковъ, которыми сражались на разстояніи древніе воины. Тотъ же свистящій звукъ полета, тотъ же широкій, швыряющій размахъ, но вмѣсто дробящаго камня рвущая сила пороха и кисловатый запахъ сѣры.

Крадучись и ползя по землѣ, мы идемъ въ атаку. Осторожно нащупывая каждый свой шагъ, зорко оглядываясь, комбинируя въ одно цѣлое тысячи незначительныхъ наблюденій, мы пробираемся на развѣдку. Направленіе вѣтра, слѣдъ копытъ, брошенная гильза, смятая трава,—все это принимается въ расчетъ, и развѣдчикъ, подобно майнъ-ридовскому „Орлиному Глазу“, осматриваетъ каждый слѣдъ, прислушивается, чуть ли не принимаетъ къ вещественнымъ признакамъ присутствія непріятеля и по ему одному понятнымъ, ему лишь одному вѣдомымъ признакамъ узнаетъ, что ему надо.

Въ былыхъ сраженіяхъ были марши и переходы, маневрированіе преобладало надъ активными боями, передвиженіе рѣшало судьбу сраженія. Теперь далеко не то. Милліонныя арміи не могутъ передвигаться съ такой быстротой, какъ арміи въ прежнихъ войнахъ, гдѣ полтора-два тысячъ солдатъ представляли собою уже огромное полчище „дванадцать языковъ“. Не обладая такой подвижностью, такой текучестью, они либо разбиваются на тысячу мелкихъ отрядовъ, либо развиваютъ фронтальное сраженіе, длящееся цѣлыми мѣсяцами. Полторы-два сотни людей, отдѣленные ин-

терваломъ—лѣсомъ, холмомъ, полемъ—отъ другого такого же малочисленнаго отряда, начинаютъ сраженіе съ непріателемъ, разбившимъ свою армію на такіе же отряды. И происходитъ нѣчто въ родѣ поединка, чуть ли не одинъ на одинъ, какъ въ средневѣковыхъ рыцарскихъ турнирахъ. Съ той же беззавѣтной храбростью, съ тѣмъ же высокимъ подъемомъ, напоминающимъ религіозный экстазъ крестоносцевъ, дерутся наши уфимцы и костромичи, и есть у нихъ своя „дама сердца“, свой рыцарскій культъ—родина „Рассея—матушка“. Это не сентиментальный, подсахаренный „патріотизмъ“, выдуманный кабинетными людьми. Это, проще, но могучѣе, шире, значительнѣе и глубже. Это эпосъ, древній, былинный.

— Ежели ты въ бой идешь, такъ отца—матерь забудь,—говорятъ солдаты.

— Знай, бей, умирать придется,—умри, а все, что отъ головы идетъ—негожее здѣсь дѣло.

Здѣсь нѣтъ вражды и злобы.

Глубокое и вмѣстѣ съ тѣмъ стихійно-широкое, захлестывающее чувство борьбы и одолѣнія сопротивленія охватываетъ всѣхъ и сливается въ одно. И бѣшеный, безумный натискъ, во время котораго люди забываютъ о себѣ, о смерти, о ранахъ, страшенъ и неодолимъ.

Орудія, бьющія съ математической точностью, снаряды съ механизмомъ, автоматически отмѣчающимъ разстояніе полета ядра, свѣтящіяся бомбы, воздушныя суда, бой въ воздухѣ, бой подъ землей, подъ водой, заливаніе непріятельскихъ окоповъ горящимъ масломъ, фугасные взрывы.

. —какое богатство техническихъ достижений, какая высота боевой техники! И все же, какъ жалка, какъ ничтожна эта сила, направленная противъ сѣраго человѣка изъ глухой симбирской деревушки. Крупновская митральеза, скорѣе похожая на сложный

аппаратъ, чѣмъ на орудіе смерти, заставила исторію замкнуть свой кругъ. И снова изъ тьмы временъ пришла македонская желѣзная фаланга, явились дротики — бомбы, щиты — лопаты, схватки — турниры, дубинка — прикладъ. „Орлиный Глазъ“ изъ Майнъ-Рида, рыцарь изъ Вальтеръ-Скотта, довременный троглодитъ. И рядомъ съ ними чудо техники, пушки, бросающія свои шестидесятипудовыя ядра на 15—18 верстъ впередъ, на 200 метровъ вверхъ.

— Енъ мозгами, а мы его кулакомъ,—говоритъ какой-нибудь Стреминъ, ухмыляясь въ свою золотую бороду.

Кто сильнѣе? Троглодитъ или пулеметъ, выбрасывающій десятки и сотни пудовъ свинца въ часъ? Очевидно,—троглодитъ, потому, что, если бы это было не такъ, война, при современныхъ техническихъ достиженіяхъ, была бы невозможна.

Въ бою и въ атакахъ, въ походѣ и въ траншеяхъ,—вездѣ, гдѣ слышенъ адскій громъ канонады, гдѣ вѣетъ дыханіемъ усовершенствованной „культурой“ войны, вездѣ первое мѣсто остается за человѣкомъ, который приспособляется, примѣняется ко всему и одолѣваетъ самый хитрый, самый сложный автоматъ. Тренъковъ и Балаевъ, Пахомовъ и Дерябкинъ—сѣрые мужики своей мужичьей сметкой побѣждаютъ автоматъ войны.

Тихій бой.

Мы стоимъ у П. въ глубокихъ траншеяхъ; траншеи крыты сверху бревнами, отъ которыхъ пахнетъ еще свѣжей сосновой смолою. Сквозь амбразуры между бревенъ голубѣютъ клочки неба; день такой хорошій, свѣтлый и теплый, что кажется, будто здѣсь не война, будто такъ солдаты собрались на вольномъ воздухѣ потолковать о разныхъ своихъ, частныхъ дѣлахъ.

А даль гремитъ ударами пушекъ и частой трескотней пулеметовъ, и завтра, а, можетъ быть, сегодня ночью мы будемъ въ бою, потому что со всѣхъ сторонъ стягиваются воинскія части, проѣхалъ кавалерійскій отрядъ, за нимъ другой, третій, а тамъ потянулись казаки, ѣдутъ безъ пѣсенъ къ лѣсу и занимаютъ невидныя намъ отсюда позиціи. Слѣва у деревни Г. окапываются пришедшія за ночь двѣ дивизіи, саперы проводятъ телефонъ къ штабной квартирѣ, слышны четкіе въ чистомъ воздухѣ удары молотковъ и едва уловимый, глухой, какъ гулъ потревоженного улья, говоръ десятковъ тысячъ людей, собравшихся сюда со всѣхъ сторонъ, чтобы выбить австрійцевъ изъ П.

У непріятеля, подъ П., происходитъ то же самое. Отсюда видны передвигающіеся съ мѣста на мѣсто темные прямоугольники войскъ, слышны удары, трескъ, гулкій грохотъ, словно перекачиваютъ по мостовой что-то тяжелое: это ѣдетъ артиллерія, парки и обозы.

Вчера ночью надъ нашими позиціями леталъ непріятельскій аэропланъ и освѣщалъ насъ прожекторомъ, стараясь, очевидно, выяснитъ наше расположеніе.

— Какъ бы не такъ,—сказалъ мой сосѣдъ по траншеѣ, солдатъ Петряевъ.—Какъ бы не такъ. Найдеть онъ насъ, когда мы, какъ кроты, врылись въ землю. Онъ ищетъ тамъ, а настоящіе окопы вонъ гдѣ. Окопы такъ искусно устроены, что сливаются съ фономъ мѣстности и найти ихъ не то, что ночью, но и днемъ очень трудно человѣку, незнакомому съ ихъ расположеніемъ. Это нѣсколько рядовъ длинныхъ и глубокихъ канавъ, соединяющихся другъ съ другомъ, мѣстами крытыхъ землей и бревнами, мѣстами открытых; это цѣлый земляной или, вѣрнѣе, подземный военный лагерь, съ улицами, улочками и переулками, въ которыхъ расположены по землянкамъ штабныя квартиры, телефонныя станціи, ротныя команды, даже походныя канцеляріи и лазареты. За мѣсяцъ пребыванія здѣсь солдаты успѣли такъ прочно устроиться тутъ, что завели даже „баню“, т.е. землянку, въ которую приносятъ жаръ на желѣзномъ листѣ и которая нагрѣвается такъ, что можно мыться въ ней. И по доброму русскому обычаю, Демидовъ и Логовъ въ прошлую субботу, накаливъ нѣсколько камней и обливъ ихъ горячей водою, взятой у ротныхъ котловъ, парились, возились и орали въ „банѣ“ до тѣхъ поръ, пока ихъ не выгнали оттуда. Положимъ, возни и крику было тамъ больше, чѣмъ дѣла,—въ землянкѣ „банѣ“ была одна „видимость“ пара, но солдаты дѣлали видъ, что это на самомъ дѣлѣ, и кричали:

— Поддавай, братъ, пару!

— Окачивай, окачивай, охо-хо!

И вышли оттуда счастливые сознаніемъ, что побывали въ банѣ.

— Съ легкимъ паромъ, Логовъ,—шутили солдаты,

— Ты бы рыло помылъ. Гляди, вся рожа въ глинь.

— Чтой-то покурить хочется послѣ бани-то,—говорилъ Логовъ, испытывающій блаженство „послѣбанного“ состоянія.—У кого бы это корешковъ достать?

— Пойди на Медлинскую. Тамъ, братъ, корешковъ — хочу не хочу.

Солдаты дали каждой траншеѣ имя, словно улицамъ, по находящимся тамъ полкамъ, ротамъ и частямъ. Есть „Медлинская“, „Лазаретная“, „Казачья“ траншеи, есть „Обжорная площадка“—названная такъ оттого, что тамъ ротныя кухни. И солдаты ориентировались въ своемъ подземномъ лагерьѣ, какъ въ городѣ, гдѣ все распланировано, все на своемъ мѣстѣ.

— Эй, землячекъ, какъ тутъ пройти въ пятую роту?

— Въ Серпуховской траншеѣ, первая направо.

— А гдѣ она, Серпуховская траншея?

— Да что ты, вновь что-ли-ча?

— Вчерась пришли.

— Иди прямо. Такъ носомъ и уткнешься въ Серпуховскую-то.

Солдаты любить устраиваться со все́ми удобствами. Сначала здѣсь были на скорую руку сдѣланы окопы, но мы задержались на этомъ мѣстѣ, — сраженіе, постепенно развивавшееся по всему фронту, приняло характеръ позиціоннаго боя, и окопы превратились въ сѣть рововъ — улицъ и переулковъ, захватывавшихъ все большее и большее пространство по мѣрѣ того, какъ прибывали новыя части. Потомъ устроили землянки, въ землянкахъ земляныя „норы“, приладили двери, сорванныя съ халупъ покинутыхъ окрестныхъ деревушекъ. Въ офицерскихъ землянкахъ имѣется даже мебель—столы и табуреты, на славу сдѣланные солдатами.

Спускается ясный, тихій вечеръ. Прошла перекличка,

жизнь въ земляномъ городѣ замираетъ, затихли выстрѣлы со стороны праваго фланга непріятеля.

Старикъ-фельдфебель рассказываетъ въ кружкѣ солдатъ, какъ въ его время воевали. Онъ былъ на двухъ войнахъ: на турецкой и японской, и никакъ не можетъ примириться съ современной техникой войны.

— Въ мое время, ребята, бывало, идутъ, скажемъ, въ атаку, командиры на коняхъ, солдаты плечомъ къ плечу, барабаны бьютъ, и шагаетъ строй, ровно на ученьи. Теперь вотъ шагъ быстрый, солдатъ жидкій пошелъ, не маршируетъ, а идетъ рысцей, а тогда... Скомандуютъ: ра-азъ! Таково медленно и протяжно. Строй подыметъ ногу и ждетъ: два-а! То-то. И въ бой шли какъ! Въ открытую, честно: бей—и я буду бить; кто сильнѣе, тотъ верхъ и возьметъ. А то теперь хитрости пошли, фигли-мигли разные, не то война, не то кадрили на полѣ сраженія. Эхъ-хе-хе!

И какъ бы въ подтвержденіе его словъ, что теперь „фигли-мигли“, вдали надъ лѣсомъ вспыхиваетъ красный свѣтовой сигналъ. Это у непріятеля,—тамъ готовится что-то.

Тихая команда заставляетъ насъ бросить разговоры, идти по мѣстамъ, выстроиться у стѣнъ траншеи и ждать. Въ выемкѣ траншеи командиръ приникъ къ телефону, принимаетъ приказанія. На улочкахъ и переулкахъ нашего „города“ забѣгали желтые, красные и синіе огоньки. Части сигнализируютъ другъ другу.

— По двое въ рядъ!—тихо передаетъ командиръ полуротному.

Команда отдается вполголоса. Люди выстраиваются, и ползетъ длинной змѣею, рота за ротой, полкъ по извилинамъ траншей.

Значить, наступленіе. Безшумное, тихое; не звякнетъ винтовка, чуть слышенъ мѣрный по привычкѣ шагъ, да краснѣетъ огонекъ сигары полуротнаго, ко-

торый, выйдя на открытое мѣсто, тушить ее и прятеть въ коробку.

Вотъ оно, вотъ настоящее. Черезъ нѣсколько часовъ будетъ бой, опять загремятъ пушки, застрочатъ пулеметы, отъ которыхъ мы успѣли отвыкнуть за мѣсяцъ мирнаго сидѣнія въ нашемъ земляномъ городѣ.

Полки разбиваются на отряды, и каждый отрядъ отходить въ другую сторону, и чѣмъ ближе къ мѣсту предстоящаго боя, тѣмъ меньше людей связаны общностью, матеріальной близостью: рассыпаются во всѣ стороны небольшіе отряды по сто-полтораста человѣкъ, и каждый идетъ къ невидимой, но общей для всѣхъ цѣли, туда, гдѣ мелькаютъ таинственные красные огоньки сигналовъ.

Въ нашемъ отрядѣ всего пятьдесятъ человѣкъ съ поручикомъ В., еще юношей. И поручикъ, и мы сначала идемъ по топкому болоту, потомъ полземъ.

Залегли въ оврагъ, почти на виду у непріятеля. Оттуда, изъ-за насыпи, находящейся въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ насъ, слышенъ гулъ голосовъ, видно, какъ вспыхиваютъ полосы переменнаго свѣта, а потомъ, совсѣмъ близко, такъ, что, протянувъ винтовку, можно достать ихъ, проходить мимо насъ сторожевой австрійскій отрядъ. И, пройдя мимо и обрызгавъ насъ грязью, но не замѣтивъ насъ, притаившихся на днѣ оврага, уходить за насыпь.

Ударъ пушки. Еще одинъ. И сразу заговорили непріятельскія батареи. Бьютъ по нашимъ оставленнымъ траншеямъ, готовя атаку. Ядра проносятся надъ нашей головою: яркіе комья огня.

— Раздери его душу!—ругается вполголоса Логовъ.—Разнесутъ нашу работу. Онъ чувствуетъ потребность „отматюгаться“.

— Оно, быдто, легче, когда выругаешься.

Хотя ни одинъ снарядъ не можетъ попасть въ насъ,

потому что они бьютъ по нашимъ траншеямъ, но страшно лежать подъ пролетающимъ съ визгомъ, стономъ и грохотомъ стальнымъ дождемъ. И оттого, что страшно, Логовъ, хотя бы шепотомъ (громко нельзя) „матюгается“, Фридляндъ бурчить что-то въ носъ, другіе, стиснувъ винтовки, глядятъ, не отрываясь, на небо, гдѣ перекрещиваются ярко-красныя полосы огня.

Вдали вспыхнулъ, наконецъ, сигнальный огонь. Теперь можно.

— Вставай, ребята! Разсыпся!

Спотыкаясь, бѣгутъ люди, бѣгутъ молча, все ближе и ближе къ непріятельской насыпи.

— Р-р-рахъ!—раздается оттуда залпъ.

Пули свистятъ надъ головою. Въ темнотѣ не видно, задѣли ли онѣ кого-нибудь изъ нашего отряда, но видно, что насъ становится вдругъ больше вдвое, втрое. Изъ каждой ложбины, изъ-за cadaго кустика вдругъ появляются темныя молчаливыя фигуры и, пригнувшись, перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто. И только у самой непріятельской насыпи, тамъ, гдѣ ружейная пуля теряетъ свою мѣткость и летитъ черезъ голову, вдругъ изъ отдѣльныхъ людей вырастаетъ строй, и такъ же молча, какъ раньше, бросается къ траншеѣ непріятеля и, ворвавшись туда, не кричитъ, а гремитъ, сотрясая дали, что-то хаотически гулкое, похожее на крикъ остервенѣнія:

— А-а-а!

— О-о-о!

— Бей, бей, бей!

Логовъ дерется рядомъ, и это онъ, кажется, выкрикиваетъ это изстуженное „бей-бей“, работая прикладомъ, какъ цѣпомъ. Или, можетъ быть, это Осадчукъ, у котораго мундиръ изодранъ въ клочья, а лобъ разсѣченъ, оретъ, пронзая венгерца, во все горло.

И вдругъ крикъ и лязгъ, стоны и ревъ сразу обры-

ваются и становится совсѣмъ тихо; слышно только, какъ тяжело дышутъ усталые люди, и вдали, постепенно замирая, гремятъ выстрѣлы. Впереди—пустота, некого бить, потому что тѣ, кого били, лежать или ушли.

— Шабашъ?—словно не довѣряя себѣ, спрашиваетъ Логовъ.

— А ну да,—отвѣчаетъ ему кто-то изъ темноты.

— Уцѣлѣлъ, братъ!—радостно говоритъ еще кто-то.—Вотъ только рожу поцарапали маленько.

— Шабашъ?—опять спрашиваетъ Логовъ.

И понявъ, что дѣйствительно „шабашъ“, снимаетъ фуражку, глубоко вздыхаетъ и широко крестится...

На развѣдкѣ.

Ночь была темная, дождливая. Мелкій-мелкій такой дождикъ, нудный, пронизывающій до костей, а тутъ вѣтеръ еще, рѣзкій, горный, какъ песь сорвался съ цѣпи, треплетъ, рветъ и завываетъ. Солдатская одежда извѣстна: шинель, сапоги, на шинели спишь, шинелью накрываешься: хороша матушка-шинель—и грѣетъ, и подушкой служить, а придется—и мертвого накроетъ.

Въ такую ночь пошли мы на развѣдку. Идти нужно было тихо, осторожно, дороги нельзя было разбирать: ползи тамъ, гдѣ темнѣе, гдѣ обнаружить тебя труднѣе, потому что непріятельскіе развѣзды рыщутъ здѣсь по близости; неровень часъ наткнешься на развѣздъ. Не помилуютъ, ежели ихъ больше, а главное, задачи, начальствомъ возложенной и важной, не исполнишь.

— Иди, ребята, въ рожь...

Такъ мы и свернули съ шоссе въ рожь. А рожь хорошая, выше пояса выросла, снять не успѣли, и жалъ ея. Ну, ничего не попишешь: время военное. Во ржи пробираемся, чутко слушаемъ: дождикъ шепчетъ по соломинкамъ, лягушки гдѣ то квакають—и больше ничего. Тихо.

Прошли поле, вышли на чистое мѣсто. Ступилъ ефрейторъ нашъ Молодцовъ ногою: нога тонетъ, въ глубь уходитъ. Мшаво, болото, значить.

Былъ съ нами шустрый этакій мальченка, русинъ-проводникъ.

— Куда же ты, спрашиваютъ, насъ, прохвость, привель? Статочное ли дѣло это, черезъ болото переть. Увяземъ.

— Да хибѣ-жъ я нехристь?—говорить. — Дило свое я, говорить, разумію. Ось тутъ стежка, по стежкѣ и пойдемо. Я упередъ, а вы сзади.

Пошли гуськомъ. Дѣйствительно, почва твердая, да тропинка узка, чуть не такъ ступишь—вязнешь.

Однако, вышли. Холмъ, а на холмѣ лѣсъ пошелъ: дубнякъ молодой да тополя.

— Отъ—туточки, за тымъ гаемъ, австріяки,—говорить парнишка.

Намъ развѣдать надо было, какъ и гдѣ расположенъ непріятель, много ли его тамъ,—словомъ, нащупать его со всѣхъ сторонъ.

Въ лѣсу темно—ни зги. Идешь, натыкаешься на пни, на корчаги спотыкаешься. Въ двухъ шагахъ не видно. Наткнуться на врага нѣтъ ничего легче. Прошли мы этакъ версты полторы, на макушку холма взобрались. Молодцовъ на тополь полѣзъ, слѣзъ и говорить:

— Близко. На небѣ ровно зарево, отъ костровъ полагать надо. Чуръ, ребята, тихо, глаза возьми въ руки, уши наостри.

Только сказалъ онъ это, слышимъ—трескъ, валежникъ трещить. Прилегли.

А онъ тоже, видно, насъ учуялъ. Окликаетъ тихо, по-хохлацки:

— Гей, Явтухъ, куды-жъ тобі лыха біда носыла?

Выползъ нашъ мальченка впередъ, поглядѣлъ, намъ рукой махнулъ:

— Молчите, молъ.

— Эге-жъ, то я—говорить громкимъ шопотомъ.—
Иды-жъ сюды.

Только онъ это сказалъ, поползъ изъ-за кустовъ не
то медвѣдь, не то человѣкъ—громадина такая!

Мы набросились на него, ротъ прежде всего за-
жали, чтобы молчалъ. Оказалось—солдатъ егерскаго
полка,—русинъ. Тоже на развѣдку вышли они, да от-
бился онъ отъ своихъ какъ-то. Недотепа—парень. Ис-
пугался, дрожить:

— Я ничего,—бормочетъ,—не по своей я волѣ.

— Сколько васъ?

— Пять человѣкъ.

— Куда же они пошли?

Ткнулъ онъ пальцемъ въ темноту, направо.

— Тоже русскіе—говорить.

Черезъ нѣсколько минутъ мы троихъ переловили,
по огоньку нашли: сидѣли они подъ дубкомъ да мирно-
ладкомъ покуривали, не чуяли бѣды.

— Гдѣ четвертый?—спрашиваемъ.

— Явухъ-то? Придурковатый онъ, на пень напо-
ролся, глазъ поранилъ и назадъ ушелъ.

Старшой ихъ рассказалъ, будто они, егеря, всё
ждутъ—не дождутся боя, чтобы всѣмъ полкомъ въ
плѣнъ сдать.

— Нехорошо,—говорить,—у насъ. Жратвы никакой,
а строгости—упаси Боже.

Такъ мы четверыхъ въ плѣнъ взяли, на развѣдку
идя. Разказали они намъ все досконально, какъ и что
у нихъ, гдѣ, какія части стоятъ.

— Въ обходъ,—говорить,—вашего лѣваго фланга
завтра двинемся.

Мы провѣрили все: совсѣмъ близко подобрались къ
ихъ стоянкѣ, окопы разсмотрѣли, разузнали, что надо,
и айда назадъ.

Удивились наши, когда мы, ушедши вдесятеромъ, при-

шли четырнадцать человѣкъ. Командиръ похвалилъ:
— Молодцы, братцы.

А на утро мы, какъ снѣгъ на-голову, свалились на
непріятеля. Думалъ онъ насъ слѣва обойти, а мы за
ночь обошли сами его и разбили на-голову.

Дѣло это было у мѣстечка Ж—въ. А егерскій
полкъ, дѣйствительно, въ самомъ началѣ боя съ му-
зыкой и знаменемъ весь цѣликомъ къ намъ пере-
шелъ.

Въ глубинѣ.

I.

Поѣздъ тянется медленно, съ долгими остановками на небольшихъ станціяхъ и полустанкахъ. Но и въ вагонахъ и на платформахъ различныхъ глухихъ и забытыхъ „Алексѣевокъ“ и „Михайловокъ“, которыхъ въ обычное, мирное время проѣзжій и не замѣтитъ и не запомнитъ изъ-за ихъ незначительности, понабилось много интереснаго, потревоженнаго яркостью событій народа. Вчерашній сѣрый мужичекъ, толковавшій на своемъ запутанномъ, спотыкающемся языкѣ о „землицѣ“, о „способіи“, о „полегченіи“—о своихъ сѣрыхъ мужицкихъ дѣлахъ; вчерашній купецъ, вояжеръ, сыпавшій плоскими анекдотами; темный дѣлецъ въ перстняхъ, покуривавшій дрянную сигару; просто проѣзжій, „пассажиръ третьяго класса“ въ обмызганномъ пальто,—весь этотъ народъ не то поновѣлъ, не то, потрясенный, сдвинутый съ мертвой точки военной грозой, какъ-то подтянулся, просвѣтлѣлъ и сталъ говорить новыя слова, значительныя, яркія, красочныя.

Въ вагонахъ и на платформахъ толчется подлинная уѣздная и волостная Русь. И почти нѣтъ „пассажира“, у котораго бы не было кровныхъ, идущихъ изъ самаго сердца связей съ войною. Между „здѣсь“ и „тамъ“ нѣтъ сторожевыхъ кордоновъ, нѣтъ тысячеверстнаго

пространства: война чувствуется, осязается „здѣсь“ съ меньшей остротою, и съ большей психологической скульптурностью, чѣмъ „тамъ“.

— Ушли, усѣ ушли,—повѣствуетъ деревня, въ видѣ бабы въ цвѣтномъ платкѣ.

— Что-жъ ты робить будешь, ежели, можно сказать, всѣмъ народомъ... И самъ бы пошелъ, да, вишь, годовъ много, старъ, — отвѣчаетъ ей овчинный полушубокъ, вытаскивая изъ кармана мѣшочекъ съ махоркой и принимаясь вертѣть „цыгарку“ изъ газетной бумаги.

— Да ты никакъ газетину рвешь? Дайка ее мнѣ, добрый человѣкъ. У насъ, въ деревнѣ, народъ до газеты во какъ жаденъ. Дай-ко-ся.

— Старая. Читали поди.

— Что-жъ что читали? Вдругорядъ прочтемъ. У насъ ребята бойко читаютъ. Давай.

Овчинный полушубокъ, оторвавъ уголь газеты, передаетъ ее бабѣ. Та, бережно сложивъ газету и разгладивъ ее, суетъ за пазуху и повторяетъ:

— Вдругорядъ прочтемъ.

Оттого ли, что регулярность желѣзнодорожнаго движенія нарушена воинскими поѣздами, или отчего-либо другого, но народу нынче ѣздитъ много. Вагоны набиты биткомъ, негдѣ присѣсть, нечѣмъ дышать, а на каждой станціи прибываетъ еще и еще. Словно потревоженный улей, задвигалась смятенная Россія, главнымъ образомъ деревенская, та самая, которая „вдругорядъ“ и по несколько разъ перечитывается одну и ту же газету, та самая, откуда „усѣ“ ушли на войну, но гдѣ все же остались ребята, которые „бойко читаютъ“, гдѣ не исчерпаемъ источникъ живой человеческой силы.

Баба рассказывала, что у нея забрали
. даже „конягу“ на войну, говорила объ

этомъ не пригорюнившись, не подперши рукою щеку, какъ повѣствуютъ бабы о разныхъ своихъ деревенскихъ незадачахъ; она сказала это съ видимой бодростью, съ явной гордостью: вотъ-де мы сколько народу на войну послали.

— И откуда это столько людей! — словно отвѣчая моимъ мыслямъ о неизсякаемости человѣческаго источника въ странѣ, воскликнулъ молодой купецъ, когда на первомъ полустанкѣ въ вагонъ протиснулась большая артель пильщиковъ. — На войну, кажется, миллионы ушли, а все прутъ, все прутъ. Нарожала-таки мать-Рассея. Откуда будете? — обратился онъ къ пильщикамъ.

— Новгородскіе, — отвѣтилъ за всѣхъ плотный старикъ. — По Двинѣ лѣсъ сплавлять будутъ, такъ рабочій народъ надобенъ.

— Что тамъ своихъ что-ль нѣтъ, что издалека требуютъ?

— Гдѣ тамъ—свои! Недохватка, какъ есть, въ рабочемъ человѣкѣ. Прежде человѣку-то цѣна была цѣлковый, либо съ четвертакомъ. А нонѣ, братъ, дорогъ человѣкъ. По два съ полтиной нанялись, да хозяйскіе харчи. Полтину въ день, поди, прохарчить каждый, — вотъ тебѣ и всѣ три.

— По деньгамъ-то дорогъ человѣкъ, — сказалъ купчикъ, — а выходитъ все-же вдвое дешевле прежняго. Вотъ мы тоже по лѣсной части. Прежде, бывало, наймешь артель, такъ прогуловъ не сосчитать. Въ праздникъ пьянъ, наканунѣ хмѣленъ, а послѣ праздника похмѣлье. И выходитъ три праздника на недѣлю. Ты и прикинь, сколько рабочихъ дней остается. А въ рабочій то день, когда ни пьянъ, ни хмѣленъ, тоже-этакъ норовить, какъ бы сжульничать: работаетъ нечисто, тятъ-ляпъ, лишь бы глаза отвести. Нынѣ же не то. Сурьезный сталъ народъ, внимательный. Не то, чтобы

отъ трезвости, а такъ, ровно причастился. Чудно-хорошо, чисто!

Къ полустанку подошелъ длинный воинскій поѣздъ. Солдаты въ полубубкахъ, молодые, очевидно, послѣдняго набора, сидѣли и стояли въ дверяхъ вагоновъ, переговариваясь съ пассажирами. Разговоръ все шуточный, веселый.

— Эй, баба, куда ѣдешь?

— Въ село, милый, въ Михайловку-выселки, Витебской губерніи.

— А велика ваша Михайловка?

— Выселки, говорю. Двадцать дворовъ.

— А мы курскіе, на войну ѣдемъ,—сказалъ солдатикъ.—Эхъ, мамаша, на войну ѣдемъ!

— Василь Ивановичъ, лады гармонь-то, — обратился къ солдату его сосѣдъ.

— Готова Эхъ, мамаша!—опять крикнулъ солдатъ и бойко забѣгалъ пальцами по клавиатурѣ гармоніи, подпѣвая тонкимъ бабынымъ голоскомъ.

— Эхъ, барыня угорѣла,
Много сахару поѣла.

— Газетъ! Газетъ!—неслось изъ другого вагона.—Газеты давай!

Сѣрые, мятые листы, яркіе иллюстрированные журналы, обрывки, клочья газетъ — все жадно хватили солдатскія корявыя руки.

— Перемышль взяли!—крикнулъ кто-то изъ класнаго вагона.

— Чей онъ. Перемышль-то будетъ?

— Австрійская крѣпость. Наши взяли.

— Ура-а!

Гармонія смолкла, умолкли крики, смѣхъ, шутки. Лица сдѣлались строгими, серьезными.

— Слышь, крѣпость наши взяли, — кричали изъ вагона въ вагонъ солдаты.

— Ура!—отвѣчали вагоны другъ другу.

— Слышь, мамаша, скоро дома будемъ,—обратился къ бабѣ тотъ солдатъ, котораго называли Васильемъ Ивановичемъ и который игралъ на гармошкѣ.

— Дай-то, Господи. Свои вернутся.

— А у тебя на войнѣ кто?

— Два сына, зять, мужъ, да еще лошадь, милый.

— Ну, лошадь то... Зачѣмъ, мамаша, ты про лошадь, ровно про людей говоришь. Не моги.

— Да мы поселковые, деревенскіе. Настоящаго разговора не знаемъ. А что касается мужа, то онъ не придетъ.

— Что такъ?

— А убить, милый. Вотъ третій мѣсяцъ, чай, какъ убить.

Рожокъ. Солдаты бѣгутъ къ своимъ вагонамъ.

— Эй, третья рота! Куда прешь! Твое мѣсто лѣвѣй.

— Ошибся второпяхъ...

Воинскій поѣздъ тронулся. Солдаты въ черныхъ и желтыхъ полушубкахъ замахали руками, платками.

— Прощайте.

— Ура!

— Побѣдить чтобы...—крикнулъ купчикъ.

— Ура-а!

Тронулся и нашъ поѣздъ. Въ вагонахъ стало еще тѣснѣе, но, несмотря на тѣсноту и духоту, разговоръ не умолкалъ. Бодрый, живой разговоръ.

— Застоялась было Рассея. А теперь движеніе народа пошло,—сказалъ купчикъ.

— Движеніе народа—это вѣрно,—сказалъ сидѣвшій рядомъ съ нимъ молодой человѣкъ въ пиджакѣ поверхъ косоворотки.—Я въ деревнѣ седьмой годъ живу, деревню знаю: народный учитель. Такъ я вамъ скажу:

правильно вы опредѣлили. Было у насъ глухо, молодежь озорничала, старики охали; а озорничали и охали оттого, что . . . въ стѣну уперлись. Ни выхода, ни просвѣта. Потомъ по хуторамъ расселились, жильё отъ жилья на версту мѣста. Не помѣщики и не мужики, а та же голь. Глуше стало. Ребята по ночамъ шалать, окна бьютъ, поютъ зазорныя пѣсни. Сына нашего богача посадили въ острогъ за воровство. Укралъ у сосѣда недоуздокъ. „Ты чего крадь-то? Не отъ бѣдности вѣдь?“. „Нѣтъ,—говорить,—съ тоски, со скуки укралъ“. А между прочимъ присудили его за кражу со взломомъ. Арестантскія роты. Какъ приговоръ вынесли, тогда онъ и опомнился только. „Что вы—кричить,—господа судьи! Вѣдь я это въ шутку. Господь съ вами!“. Ну, пропало, разумѣется. Пропаль, ни за что погибъ. А такъ, въ шутку, со скуки, головы другъ другу проламывали, насильничали, грабили. Ночью выйти изъ дому нельзя было. А теперь другое.

Учитель помолчалъ, закурилъ папиросу и продолжалъ:

— Запасныхъ забрали, молодежь, которые по набору, а которые ратники, тоже ушла. Но все же въ деревнѣ нашей много еще осталось молодого народа. Среднихъ нѣтъ, а молодые всѣ на-лицо. Однако, озорства нѣтъ. Сразу все прекратилось. Прежде была такая глушь, такая тоска, что молодой попъ нашъ даже запыль, закрутилъ, завертѣлъ и подъ судъ попалъ. А теперь дѣло нашлось, мысль заработала, и рукамъ и головамъ есть работа. По вечерамъ въ будни, а въ праздники и днемъ приходятъ ко мнѣ издалека, за пять верстъ, валять толпою: „Читай, Семенъ Семенычъ, газету“. Или письма диктуютъ. Чужимъ, незнакомымъ пишутъ, иной разъ адресуютъ просто въ пространство.

— Какъ это, въ пространство?

— А такъ: „Въ дѣйствующую армію, рядовому солдату отъ жителей села Бологова привѣтъ“. Такъ и пишутъ.

— Пропадеть вѣдь такое письмо. Не вручать, ежели адресать не указанъ.

— Нѣтъ, вручаютъ. На-дняхъ мы на такое письмо получили отвѣтъ въ стихотворной формѣ. Кланяются и благодарятъ село Бологово за память и просятъ писать солдатамъ Н-скаго полка: подробно указана рота и армейская часть.

— А у насъ, въ Михайловѣ, дѣвки что издѣлали,— отозвалась баба изъ своего угла.

— Ну?

— Столковались между собою! „давайте, дѣвоньки, по вечерамъ прясть, да рубахи шить“. До самаго Крещенія ночи напролетъ работали, керосину сколько извели. Напряли, нашили и къ барынѣ, къ женѣ земскаго начальника, работу свою понесли. „Сдѣлайте,— говорить,— милость, пошлите солдатамъ на позиціи“.

— И послали?

— А то какъ же? Солдату, поди, рубаха и-и, какъ надобна! Теперь, по веснѣ, холсты бѣлить будемъ. Опять пошлемъ. А все затѣйница наша Наталья.

— Какая такая Наталья?

— Да дѣвушка одна. Въ прислугахъ до войны служила у господъ. А господъ заслали куда-то: нѣмцы. Такъ вотъ она на всякое дѣло у насъ затѣйница.

Предо мною, горожаниномъ и интеллигентомъ, въ этихъ разговорахъ деревенскихъ людей раскрылись „почвенные слои“. Захотѣлось глубже покопаться въ нихъ, разобраться въ настроеніяхъ взбаламученной деревенской Руси.

— Что же они, крестьяне, сознательно относятся къ войнѣ? Понимаютъ ли они, за что мы воюемъ и чего ждемъ отъ войны?—спросилъ я учителя.

Тотъ внимательно посмотрѣлъ на меня и усмѣхнулся.

— Не съ той стороны подходите,—сказалъ онъ.—Я бы никогда не спросилъ мужика, знаетъ ли онъ, за что мы воюемъ. Онъ на это отвѣтитъ вамъ: „Про то начальство знаетъ“. А что касается сознательности, то вы слышали: читають газеты, пишутъ письма невѣдомому „рядовому солдату“, съ которымъ какъ-то вдругъ наладилась живая связь, прядутъ по ночамъ, бѣлят холсты и на позиціи посылають. Движеніе народовъ, какъ справедливо выразились они (онъ указалъ на купца). Еще одинъ фактъ, который хотя бы косвенно отвѣтитъ на вашъ вопросъ: наши крестьяне столковались обработать землю ушедшихъ на войну. Да что я говорю „столковались!“ У насъ ни о чемъ не столковываются. Встрѣтятся на улицѣ два мужика. „Ты куда это, Митрычъ, идешь?“ „Да вотъ иду избу Парамоныча чинить, да борону ладить“. „А борону для ча?“ „Парамоновъ, чай, на войнѣ? А бабы однѣ не справятся“. „Хошь пособию?“ „Пособи“. „Надо бы еще Иваныча и другихъ прочихъ кликнуть. Не одинъ Парамоновъ у насъ ушедши“. „Клихни. Дѣло хорошее“. И пошли.

Такъ учитель въ лицахъ и представилъ, какъ пробуждается въ деревнѣ хорошій починъ, какъ нарастаетъ, какъ будто катящійся снѣжный комъ, „движеніе народовъ“.

Опять станція. Вошли нѣсколько бабъ съ пестрыми узелками. Одна изъ нихъ, рослая и неуклюжая, какъ мужикъ, съ ребенкомъ на рукахъ, вытирала слезы рукавомъ полушубка.

— Куда вы, бабы?

— Въ городъ, за пособіемъ.

— Солдатки?

— Нонѣ всѣ солдатки,—бойко и противъ ожиданія весело отвѣтила та, которая плакала.

— А ты чего же ревѣла, коли за способіемъ?

— То-то и бѣда, что не знаю, будетъ ли намъ способіе,—впадая въ плаксивый тонъ, сказала баба.

— Почему?

— Мужа убили, за вещами ѣду къ воинскому. Требуешь.

— Будетъ пособіе, какъ прежде,—сказалъ учитель.

— Вотъ это хорошо, коли правда,—опять бодро и бойко заговорила баба.—А то безъ способія да съ ребятами выходить зарѣзъ.

— А мужа тебѣ не жалъ?

— Какъ не жалко? Сердце у меня оборвалось, какъ узнала я, что его порѣшили.

— Что же ты больше о пособіи горюешь, нежели о мужѣ?

— Да что же подѣлаешь, милый, что сдѣлаешь, золотой! Живой о живомъ хлопочетъ. Ёсть, поди, ребятамъ надо? А убили—такъ онъ на такое дѣло и шелъ. Не одна, поди, я вдова. Божья воля.. Такъ ты насчетъ способія вѣрно знаешь?

— Вѣрно.

— Спасибо, ласковый. Ужъ вотъ утѣшилъ, такъ я тебѣ скажу—во какъ. А моего Петра какъ не жалъ? Ой какъ жалко! Одна я теперь осталась съ малыми ребятами...

Опять воинскій поѣздъ. Бодрья молодья лица. Чей-то тенорокъ снова громко кричить:

— Газетъ! Газетъ! Давайте газетъ, господа!

И опять извѣстіе о взятіи Перемышля, сообщенное купцомъ, вызываетъ звонкое ура.

Нашъ поѣздъ уходитъ раньше воинскаго и вслѣдъ намъ несутся голоса:

— Прощайте!

— Вернемся скоро!

— Ура-а!

Б о й.

Издалека, изъ-за лѣса, доносится къ намъ пушечная фуга. Бризантные снаряды зажгли лѣсъ. Въ промозгомъ туманѣ дымъ гуще и удушливѣе. Онъ низко стелется надъ землею, заползаетъ къ намъ въ землянку, спираетъ дыханіе и ѣстъ глаза. Когда пальба на время стихаетъ, изъ лѣсовъ долетаетъ сюда странное гудѣніе, словно безъ умолку и перерыва жужжитъ пчелиный рой:

— У-у-у-у!

И вдругъ въ этотъ глухой гулъ, смутный и неясный, врывается высокая визгливая нота. Какъ-будто кричить кто-то отъ страшной боли, отъ ужаса или тоски. Даже чудятся раздѣльные слова въ этомъ крикѣ:

— Ба-а-тюш-ки-и!

Четко, тягуче, со страшнымъ надрывомъ и мукой.

Можетъ быть, никто не кричитъ, не стонетъ, и гудѣнія вовсе нѣтъ. Можетъ быть, это слуховой миражъ. Отъ безпрестаннаго пушечнаго грохота, который мы слушаемъ девятый день—днемъ и ночью, даже сквозь сонъ,—болятъ уши, и когда смолкаетъ канонада, мы слышимъ еще ея отзвуки нѣсколько минутъ: они въ насъ, эти отголоски пальбы, въ больномъ, напряженномъ слухѣ.

Опять усиливается канонада и заглушаетъ тоскливое гудѣніе. Артиллерійскій бой происходитъ въ одномъ только пунктѣ, у городка П., но горное эхо повторяетъ пальбу тысячи разъ, то глуше, то громче, и начинаетъ казаться, будто стрѣляютъ со всѣхъ сторонъ, на всемъ многоверстномъ протяженіи фронта.

- Первая рота выходи-и!—слабо доносится издалека.
- Вторая рота-а!
- Третья..

Команда передается от фланга къ флангу. Забрызганный съ ногъ до головы грязью офицеръ приникъ ухомъ къ телефонной трубкѣ, принимаетъ распоряженія изъ штабной квартиры. Солдаты, неказистые на видъ, въ помятыхъ шинеляхъ и фуражкахъ, облѣпленные грязью, какъ и офицеръ, разбираютъ изъ пиратидъ винтовки.

— Стройся!

Рота за ротой выходятъ изъ окоповъ, молча выстраиваются.

Мимо съ громыханіемъ и лязгомъ пролетаетъ во весь опоръ артиллерійская батарея. Везутъ съ позицій подбитыя орудія. У артиллеристовъ хмурыя сѣрыя лица, на нѣкоторыхъ шинели изорваны въ клочья. Они смотрятъ на насъ, идущихъ въ бой, исподлобья, а одинъ изъ нихъ, рыжій мужикъ съ опаленной огнемъ бородой и бровями, съ подвязанной щекой, какъ будто у него зубная боль, машетъ обѣими руками и кричитъ что-то. Слова заглушаются грохотомъ колесъ и пальбой, долетаетъ только крѣпкое, колоритное ругательство.

— Ловко!—смѣются солдаты.

— Разобрало земляка.

— Съ чего онъ такъ?

— Съ чего? Страдаетъ человѣкъ, вотъ и матюгается. Оно, бытто, веселѣй, когда отматюгаешься-то.

— А важно палить.

Строй расплзается, люди шагаютъ вольно и переговариваются. Взводный, нехотя, словно по обязанности, пытается выравнивать шеренгу.

— Чего шагаешь растяпой? Равняйся! Буде языкъ чесать. Ходи весело!

Тяжело идти по болотной низинѣ; нога вязнетъ по

щиколдку въ торфяномъ месивѣ; пудовые комья липнуть къ ногамъ; въ отсырѣвшей отъ дождя аммуниціи, съ винтовкой на плечѣ, съ лопатой на боку, съ флягой ранцемъ или походнымъ мѣшкомъ трудно „ходить весело“.

— Шибко дерутся,—говорятъ раненные.

Промчался, разбрызгивая во всѣ стороны грязь, молодой штабный офицеръ, передалъ пакетъ командиру и ускакалъ.

И опять несется отъ фланга къ флангу десятки разъ повторяемая команда:

— Лѣвымъ плечомъ впередь!

Мы сворачиваемъ къ лѣсу.

Теперь всѣ сдѣлались одинаковыми. Бывшій студентъ, доброволецъ Лисицынъ, сталъ похожъ на пензенскаго мужика Пахомова, подпоручикъ О. ничѣмъ не отличается отъ своихъ рядовыхъ. Всѣ говорятъ думаютъ и чувствуютъ одинаково. Стерлись грани, умъ, душа и тѣло приспособились къ боевой жизни, а потребности и даже мечты стали иными.

— Эхъ, кабы привалъ на сухомъ мѣстѣ,—смѣнили бы я бѣлье да поспалъ бы всласть.

„Кабы“—такъ говоритъ универсантъ Лисицынъ. Всѣ говорятъ такъ. Сначала поддѣлывались подъ корявую рѣчь Пахомовыхъ и Ипполитовыхъ, потому что нашу „заковыристую“ рѣчь они не понимали; среди пензенскаго, владимірскаго, орловскаго говора наши слова и обороты казались дикими. Потомъ освоились и незамѣтно для себя слились внутренне и внѣшне, мечтами и привычками, съ туляками и вятичами.

... Лѣсъ пройденъ. Слышно, какъ „шють“ пулеметы. Въ самомъ дѣлѣ шють; такой частый сухой стукъ, словно тысячи швейныхъ машинъ:

— Та-та-та-та...

Пулеметный свинецъ, свистя и жужжа, падаетъ по обочинамъ шоссе, на которое мы вышли. Отрядъ мото-

циклистовъ пролетѣлъ мимо, оставивъ за собой ѣдкую струю горѣлаго бензина. У рва, идущаго по краю шоссе, они спѣшились, живо перетащили свои машины и помчались дальше.

Сейчасъ мы войдемъ въ полосу обстрѣла. Въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ насъ видно, какъ подскакиваютъ комья земли подъ градомъ пуль, какъ поднимаются легкія облачка пара на болотѣ. Словно густая туча ползетъ на носъ. Ближе и ближе. Забарабанило что то по камнямъ, по стволамъ деревьевъ, срѣзывая, какъ ножемъ, вѣтви и сбивая щебень. Какъ будто частый и крупный градъ бьетъ по деревянной крышѣ. Это пулеметный огонь. Пули разлетаются широкимъ вѣеромъ и сносятъ все на своемъ пути.

— Растуда ихъ, сукиныхъ дѣтей! Примѣтили насъ, — ругается Пахомовъ.

— Разсыпсья!

Команда коротка и едва ли долетаетъ до всѣхъ. Но и безъ команды понятно, что нужно разсыпаться цѣпью, по одиночкѣ, перебѣжать поле, припадая къ землѣ и прячась за каждую кочку, потому что идти сплоченнымъ строемъ подъ пулеметнымъ обстрѣломъ невозможно.

Среди сухихъ и дробныхъ ударовъ слышенъ тонкій, свистящій звонъ. Это шрапнель. Ея стаканы рвутся совсѣмъ близко, но все же они не долетаютъ до насъ.

Рослый и огромный, какъ медвѣдь, солдатъ Звегинцевъ идетъ, не пригибаясь къ землѣ и нелѣпо размахивая руками, идетъ на выстрѣлы, въ огонь.

Какой-то шумъ впереди. Топотъ, звонъ и крикъ. На насъ бросили атаку.

— На изготовку!

Подъ огнемъ смыкаются ряды, и опять мы стоимъ плечомъ къ плечу, хотя кругомъ свиститъ, гудитъ и воетъ свинцовый адъ.

— Въ атаку!

Тѣло становится гибкимъ, туловище выброшено впередъ для прыжка и ни одного ощущенія.

Вдали показалась группа офицеровъ. Среди нихъ на знакомомъ бѣломъ конѣ съ яблоками плотная фигура старика-генерала. Онъ выѣхалъ впередъ, махнулъ рукою въ бѣлой перчаткѣ офицерамъ. Тѣ останавливаются. Генералъ молча подъѣзжаетъ къ выстроенымъ рядамъ, смотритъ нѣсколько секундъ на солдатъ и проноситъ привѣтствіе.

— Здравія желаемъ...—не громко, но и не тихо отвѣчаетъ полкъ.

Генералъ говоритъ что-то долго, но слышно только переднимъ рядамъ. По тому, что тѣ кричатъ ему въ отвѣтъ, можно понять, что дивизионный командиръ похвалилъ насъ.

Впередъ, за холмомъ, раздались два гулихъ взрыва. Непріятель, уходя въ Г., взорвалъ мосты черезъ рѣчку Д—ецъ.

— Шагомъ-аршъ!—командуетъ полуротный.

— Ну, слава-те, Господи! Двинулись!—говоритъ кто то.

На пятый день, послѣ того, какъ мы прошли около ста верстъ, мы подошли къ П. Городокъ горѣлъ со всѣхъ концовъ, зажженный снарядами. Кровавое зарево залило полнеба, и въ его багровомъ невѣрномъ отсвѣтѣ жуткими казались черные изломы холмовъ, на которыхъ лѣпились наши окопы. Тамъ бой шелъ двадцатый день, двадцатый день гремѣли пушки, рвались „чемоданы“, а люди лежали въ окопахъ и отстрѣливались, отражая атаки или сами бросаясь въ атаку.

